

с. 2

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Литературныя замѣтки.

(«Чайка», пьеса А. П. Чехова. «Русск. Мысль», декабрь).

Многимъ два-три тому назадъ «Чайка», поставленная на сценѣ Александринскаго театра, потерпѣла «провалъ» при первомъ представленіи, и провалъ этотъ вынудилъ цѣлую бурю восторговъ со стороны вдругъ откуда-то появившихся проворливыхъ критиковъ. Критики эти утверждали, что они всегда считали г. Чехова только «талантликомъ», искусственно возведеннымъ на неадекватную высоту; что провалъ «Чайки» «служитъ блестящимъ подтвержденіемъ ихъ мнѣнія, и для подтвержденія приводили «судъ публики», оскорбленной въ своихъ лучшихъ чувствахъ и опившейся это безобразное произведение.

Особенно, брызжащий злобой ослиной, г. рецензентъ «Новостей» отказываясь даже передать сюжетъ пьесы и глумился съ упоеніемъ надъ воими дѣйствующими лицами комедіи. «Вотъ, мы всегда говорили, что Чеховъ талантливъ не крупнымъ, что его даже никто не замѣтитъ—намъ не вѣрали? Теперь повѣрили!»—въ этомъ родѣ правдоподобныя рецензентъ «Новостей» скандалъ, вышедшій на дождь «Чайки».

Были критики и снисходительные, отовсюду «простить» г. Чехову его «ошибку», и съ трогательнымъ возмущеніемъ бравшіе подъ своею вышивку «несомнѣнный талантъ» г. Чехова. И если не ошибаемся, только одинъ г. Суворинъ, отбѣсивъ радость враговъ, заявилъ, что «Чайка»—вещь талантливая, что г. Чеховъ можетъ опять спокойно, что игралъ пьесу плохо, и что скандалъ на первомъ представленіи не былъ даже такъ грандіозенъ, какъ объ этомъ поспѣшили сказать обрадованные завистники. Неужели пьесой, артомъ плохого исполненія, г-нъ Суворинъ, объясняетъ, сколько намъ понятна, также оставомъ безъискусной публики въ театрѣ и восторгалъ положеніе, что при первомъ составѣ публика пьесы не могла понять. Тогда много смѣялись на г. Суворина и замечали, что она также, восторгалъ

госты и «все понять могутъ», что съ мнѣніемъ публики надо считаться и т. п.

Человѣку, не выдавшему «Чайку», встрѣчая почти во всѣхъ рецензіяхъ отрицательное отношеніе къ пьесѣ, трудно было разобратся во всемъ этомъ хаосѣ. Конечно, злобная, неприличная радость однихъ по поводу скандала съ «Чайкой» и снисходительное отношеніе другихъ къ пьесѣ—давали нѣкоторые указанія для людей, привыкшихъ считать не съ «судомъ публики» и успѣхомъ, зачастую выпадающимъ на долю бездарностей. Право, намъ хотѣлось тогда же сказать, что, судя только по одной бѣшеной злобѣ многихъ рецензентовъ, можно предположить, что «Чайка» вещь талантливая безусловно.

И вотъ, наконецъ, «Чайка» напечатана, и всѣ ее теперь прочтутъ. И что же? Увы, напрасно радовались злобные критики, напрасно и доброжелательные критики великодушно «прощали» г. Чехову его «грѣхъ». Странно даже и какъ то стыдно повторять, что г. Чеховъ—талантъ, и талантъ большой величины,—до такой степени отъ ярко блещетъ въ «Чайкѣ».

Въ чемъ же дѣло, чѣмъ объяснить, что многие писатели и рецензенты такъ поспѣшили заявить, что г. Чеховъ чуть не бездарность? Неужели одна мелкая зависть руководила ими? Нѣтъ; несомнѣнно, что многие изъ нихъ искренно убѣждены въ ничтожествѣ таланта г. Чехова и совершенно искренно негодуютъ на «незаслуженную» славу писателя. И этому можно найти объясненіе именно въ томъ, что талантъ г. Чехова—талантъ прежде всего оригинальный. Писатели и критики, вѣрующіе въ неизбѣжные формы искусства, зарегистрированные въ учебникахъ, чувствуютъ себя оскорбленными всякимъ новшествомъ въ этой области. Вызубривъ требованія литературныхъ формъ и задачи искусства, они сами выдаютъ себѣ дипломъ на пониманіе, и съ казенной, готовой мѣрой подступаютъ ко всякому новому явленію въ области мысли и литературы. Мѣрка не подходитъ,—да и не можетъ подходить—и вотъ готово рѣшеніе. Развѣ эти критики и писатели

проникаются сами какъ и нибудь новой мыслью писателя, развѣ они примираются съ тѣмъ, что «комедія» можетъ оканчиваться смертью? (Быль и такой упрекъ по адресу «Чайки»).

Однако, Богъ съ ними, съ этими присяжными цѣнителями искусства. Ихъ хотя и много, но мнѣнія ихъ не умаляютъ значенія истинныхъ талантовъ, и злоба ихъ еще никого не сокрушала.

Что же такое «Чайка»? Это собственно эпизодъ изъ неприкрашенной дѣйствительной жизни, написанный авторомъ широкимъ взмахомъ, въ всякихъ обычныхъ условностяхъ и готовыхъ шаблоновъ въ области драматургіи. Авторъ вводитъ насъ въ среду людей «безъ догматъ», безъ идеала, и показываетъ, какъ гибнуть въ такой жизненной обстановкѣ два юныя существа, не нашедшія въ окружающей средѣ ни почвы, ни осязательства своимъ смутнымъ, но благороднымъ стремленіямъ.

Знаменитая актриса Аркадія, влюбленная въ себя, въ свои успѣхи и въ неменьше знаменитого беллетриста Тригорина, отъ которымъ живетъ открыто, имѣетъ сына, молодого человѣка, 25 лѣтъ—начинающаго писателя Треплева. Она любитъ его только очень небольшимъ запасомъ материнскаго чувства, готова завидовать его успѣхамъ, его таланту. Неглухая и везлая, но мелкая и эгоистичная, она живетъ только для себя, въ оферѣ только своихъ узкихъ интересовъ. Талантливая актриса,—она не интересуется искусствомъ и готова злобствовать на все, что выше и талантливѣе ея. Она всецѣло владѣетъ своимъ беллетристомъ, который больше по привычкѣ и по лѣни продолжаетъ состоять при ней и во всемъ исполнять ея волю.

Треплевъ, человѣкъ не сомнѣнно одаренный, не удовлетворяется надѣвшимися формами искусства, и ищетъ новыхъ. Онъ пробуетъ создать нѣчто новое, и пишетъ фантастическую пьесу. Молодая дѣвушка, Нина, осѣдлая по мнѣнію брата Аркадіи, изображаетъ на домашней сценѣ томленія «мировой души». Но пьесу не удается окончить, такъ какъ Треплевъ возмущенъ обидными замѣчаніями матери, и прекращаетъ представленіе.

Онъ любитъ Нину, кажется и она любитъ его до момента, когда знакомятся съ Тригориннымъ. Поослѣдній представляется ей такимъ „большимъ“, его романами она зачитывается и всю глубину и благородство героевъ его произведений готова приписать самому автору. Она съ священнымъ трепетомъ относится къ процессу творчества, думая, что только въ этой области доступно людямъ высокое счастье. Тригоринъ пробоуетъ ее разочаровать на этотъ счетъ.

Любопытную фигуру представляетъ изъ себя этотъ беллетристъ, „заблуденный механизмъ творчества“, относящійся къ явлениямъ жизни съ точки зрѣнія „сюжетовъ“ для своихъ романовъ. Онъ уменъ, наблюдателенъ, талантливъ, любитъ природу, почитаетъ красоту, но не обольщается въ своей счетъ, отводя себѣ должное мѣсто въ жизни:

„Вѣдь я не пейзажистъ только,—говорить онъ самъ о себѣ—я, вѣдь, еще и гражданинъ, я люблю родину, народъ, я чувствую, что если писатель, то я обязанъ говорить о народѣ, объ его страданияхъ, объ его будущемъ, говорить о наукѣ, о правахъ человека и пр. а пр.—и я говорю обо всемъ, тороплюсь, меня со всѣхъ сторонъ подгоняють, серяются, я мчусь изъ стороны въ сторону, какъ лисичка, за трагическими псами, вижу, что жизнь и наука все уходятъ впередъ и впередъ, а я все отстаю и отстаю, какъ мушкетеръ, опоздавший на побѣду,—и въ концѣ концовъ чувствую, что я умѣю писать только пейзажъ, а во всемъ остальномъ я фальшивый и фальшивый до мозга костей“.

Этотъ оуровный приговоръ надъ своимъ творческимъ безоніемъ звучитъ въ устахъ Тригорина необыкновенной прямою и искренностью. Однако, эта самокритика не только не токаетъ его на новые пути творчества, но даже и не портитъ ему привычнаго существованія. Онъ спокойно удить рыбу, спокойно, холодно вербуетъ себѣ сюжеты изъ жизни; его манитъ „любовь юная, предѣстная, поэтическая, уносящая въ мѣръ грезъ,—на землѣ только она одна можетъ дать счастье! Такой любви я не испытывалъ еще“.

Вкусивъ этой любви, онъ попросту охлаждѣлъ къ предмету своей страсти, Нинѣ, и бросилъ ее, убѣдившись вдругъ, что онъ „не можетъ уже любить молодыхъ“. Этотъ любовный эпизодъ съ ними самымъ для него тоже

не болѣе какъ „сюжетъ“ для романа.

Ни творческой мысли, ни глубокаго чувства,—ничего нѣтъ въ душѣ этого талантливаго писателя, и онъ какъ то походя, очевидно самъ этого не замѣчая, губитъ существованіе юнаго существа, для котораго являлся чуть не пророкомъ.

Молодой Треплевъ любящій Нину, скорбитъ объ ея судьбѣ. Собой, какъ писателемъ, онъ недоволенъ, хотя уже печатается въ толстыхъ журналахъ и „привананъ“. После двухъ лѣтъ тоски, потерявъ вкусъ къ жизни, и узнавъ, что Нина все еще любить бросившаго ее билетристу, онъ, лишенный также серьезныхъ привязанностей къ жизни, стрѣляется.

Онъ умеръ, жизнь Нины искоренена, а всѣ остальные герои будутъ жить попрежнему. И жизнь, и смерть близкихъ проходить мимо нихъ, не затронувъ ихъ глубоко, не всколыхнувъ сознанія своей вины передъ ними.

Чѣмъ же является Тригоринъ въ жизни Нины, и почему вся пьеса названа „Чайкой“?

Треплевъ случайно убилъ на озерѣ чайку, и при видѣ убитой птицы у Тригорина сейчасъ же рождается сюжетъ. Записывая его въ свою книжку, онъ сообщаетъ о немъ Нинѣ: „На берегу озера съ дѣтства живеть молодая дѣвушка, такая какъ вы, любить она озеро—какъ чайка, и ослѣпшая, и свободна, какъ чайка. Но случайно пришелъ человекъ, увидѣлъ и отъ нечего дѣлать погубилъ ее, какъ вотъ эту чайку“.

Вотъ именно такимъ человекомъ, убившимъ отъ нечего дѣлать чайку, и является Тригоринъ въ жизни Нины.

Нина — это существо безъ всякаго опредѣленнаго содержанія, очень смутными стремленіями къ чему то хорошему, значительно въ жизни,—существо въ идейномъ и нравственномъ отношеніи еще не сформированное, и потому подверженное всякимъ случайностямъ. Любовь къ Нинѣ у Тригорина незначительный эпизодъ, для нея—полная, такъ сказать, духовная гибель. Брошенная Тригориннымъ, она любитъ его „даже сильнѣе чѣмъ прежде“, — и инѣ этого чувства ей нечѣмъ жить.

Она изнываетъ, жизнь ея невозможна, хотя она думаетъ, что спина даетъ ей душевные силы... Но красной нитью въ ея жизни, да, вѣроятно, и на сценѣ, проходитъ любовь къ нему, муча и страданія поруганнаго чувства. Воспоминаніе объ убитой чайкѣ, послужившей сюжетомъ для новаго произведенія Тригорина, приноситъ ей жгучее страданіе, а Тригоринъ, наказавшій сдѣлать чучело изъ убитой птицы, спустя два года, при видѣ исполненнаго заказа, не помнитъ ни о сюжетѣ своемъ, ни о просьбѣ сдѣлать чучело. Такъ часто бываетъ съ бѣдными чайками въ жизни. А вѣдь при другихъ условіяхъ и жизнь Нины могла сложиться счастливѣе, и человекомъ она могла бы быть болѣе цѣннымъ.

Остальными лица комедіи схвачены авторомъ мѣтко, мастерски. Маша, дочь управляющаго имѣніемъ Аркадиной, дѣвица, пьющая водку и нюхающая табакъ—представляетъ одну изъ разнообразностей типа „истеричекъ“. Помнится, на Чехова напали и за эту дѣву, и особенно за выведенную фигуру народнаго учителя, хлещущагося на свое мизерное 28 рублевое жалованье и несколько не проникнутаго „идеями“ служенія народу. Очень обидѣлись на Чехова за то, что онъ такъ относится къ цѣлой „корпорации“ труженниковъ, чуть не омытыхъ, в пр. Прежде всего неизвестно, почему въ лицѣ Медвѣденко должна быть обижена вся „корпорация“ народныхъ учителей да и бывають ли вообще „безупречныя“ корпорации, — а главное, не пора ли бросить идейный сентиментализмъ и взглянуть тревою въ лицо жизни. Почему это требуется отъ поклономъ и умиленіемъ относиться ко всей корпорации народныхъ учителей? Вѣдь людей „идеи“ не очень то много среди нихъ, да не очень то ихъ туда и пускають. Затѣмъ, что возмутительнаго въ томъ, что для Медвѣденко съ шестью душами семьи 28 рублевое жалованье составляетъ важный, жизненный вопросъ? Да и по какому праву стали бы мы требовать отъ Медвѣденко и ему подобныхъ такой „идейности“, которой не отличаются люди и съ большимъ развитіемъ, и съ большимъ образованіемъ?

Г. Чеховъ только правдивъ,